

СОНЯ ПЕРНЕЛЛ

ХРОМАЯ ДАМА

НЕРАССКАЗАННАЯ ИСТОРИЯ
ЖЕНЩИНЫ – ТАЙНОГО АГЕНТА
ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

СИЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Сильная история

Соня Пернелл

**Хромая дама: Нерассказанная
история женщины –
тайного агента периода
Второй мировой войны**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 929(44)
ББК 63.3(4Фра)-8

Пернелл С.

Хромая дама: Нерассказанная история женщины – тайного агента периода Второй мировой войны / С. Пернелл — «Издательство АСТ», 2019 — (Сильная история)

ISBN 978-5-17-153040-2

В 1942 году Францию заполонили плакаты с изображением молодой женщины и надписью: «Самая опасная вражеская шпионка. Мы должны найти и уничтожить ее!» Женщиной на плакате была Вирджиния Холл – первая шпионка союзных государств, работавшая в тылу врага. Несмотря на инвалидность и постоянную угрозу для жизни, Вирджиния продолжала выполнять сложнейшие миссии ради спасения тысяч людей и ради мира в Европе. Новейшие исследования Сони Пернелл, признанного журналиста и биографа, позволяют приоткрыть завесу тайны над жизнью Вирджинии Холл, полной героизма и самоотверженного противостояния нацистам.

Потрясающая биография, больше похожая на шпионский боевик, – остросюжетная, пронзительная история о мужестве и самопожертвовании. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 929(44)
ББК 63.3(4Фра)-8

ISBN 978-5-17-153040-2

© Пернелл С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Список действующих лиц	7
Пролог	9
Глава первая	13
Глава вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Соня Пернелл

Хромая дама: Нерассказанная история женщины – тайного агента периода Второй мировой войны

Sonia Purnell

A Woman of No Importance: The Untold Story of the American Spy Who Helped Win World War II

Печатается с разрешения литературных агентств Fletcher & Co, LLC и Andrew Nurnberg

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

2019 by Sonia Purnell

© Перевод. Е. Ролинская, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Посвящается Сью
1951–2017*

Мужество бывает разным

* * *

Соппротивление было образом жизни... Там мы ощущали себя совершенно свободными... неизвестными и непознаваемыми версиями самих себя; людьми, каких больше не найти, существовавшими в уникальных и ужасных обстоятельствах... окруженные призраками или мертвецами. Если бы нам нужно было дать определение этому опыту, мы бы выбрали для него удивительное слово – «счастье».

Жан Кассу, лидер тулузского Соппротивления и поэт

История человечества формируется из бесчисленных разнообразных актов мужества и веры. Каждый раз, когда человек отстаивает свой идеал, действует ради блага других или борется с несправедливостью, образуется крошечная волна надежды. Пересекаясь друг с другом, выпущенные из миллиона различных центров энергии и смелости, эти волны создают поток, который способен снести самые могучие стены...

Роберт Кеннеди

Идеальный человек тоталитарного режима – не убежденный нацист или коммунист, а тот, для кого более не существуют различия между

фактом и фикцией (т. е. реальности опыта) и между истиной и ложью (т. е. нормы мысли).

Ханна Арендт, «Истоки тоталитаризма»

* * *

Список действующих лиц

Кодовые имена и оперативные псевдонимы обозначены в книге курсивом. Обычно у агентов существует множество псевдонимов, но для ясности я использовала только наиболее значимые.

Ален = Жорж Дюбуден

Антуан = Филипп де Вомекур (также *Готье*, майор *Сен-Поль*)

Арамис = Анри Лассо (также *Питер Харратт*)

Артю & Огюст = Генри и Альфред Ньютон

Епископ = аббат Робер Алеш (также *Рене Мартен*)

Боб = Рауль Ле Булико

Карт = Андре Жирар

Селестен = Брайан Стоунхаус

Кристоф = Гилберт Турк

Константин = Жан де Вомекур

Фонкруаз = капитан Генри Чарльз Гиз

Жорж = Жорж Беге

Жевольд = Серж Капальски

Глория = Габриэль Пикабия

Лукас = Пьер де Вомекур (также *Сильвен*)

Мари = Вирджиния Холл (также *Жермен*, *Филомена*, *Николас*, *Диана*, *Марсель*, *Бриджит*, *Изабелль*, *Камилла*, *DFV*, *Артемида*)

Николас = Роберт Буатье (также известный, как *Роберт Бурдетт*)

Олив = Фрэнсис Басен

Пепен = доктор Жан Руссе

Рене = Виктор Герсон (также *Вик*)

Софи = Одетта Вилен

Ля Шатт = Матильда Карре (или *Виктуар*)

Пролог

Франция летела в пропасть. Сгоревшие автомобили, когда-то набитые ценными вещами, стояли, уткнувшись носом в придорожные канавы. На протяжении многих миль недружественной дороги вокруг них были разбросаны ошметки груза: когда-то кем-то любимых кукол, часов, зеркал... Их хозяева, молодые и старые, распластавшись в горячей пыли, стонали или уже не издавали ни звука. Тем не менее, день за днем полчища людей продолжали течь мимо них в нескончаемом потоке голода и истощения, слишком напуганные, чтобы остановиться.

В пути было десять миллионов женщин, детей и стариков. Все они спасались от гитлеровских танков, хлынувших через границу с востока и севера. Целые города вырвали с корнем сами себя в тщетной попытке спастись от нацистского блицкрига, грозившего их поглотить. Можно было услышать лихорадочные разговоры о немецких солдатах, обнажающих торсы в ликовании от так легко давшейся победы. Воздух был наполнен криками, дымом и зловонием мертвых. У младенцев не было молока, а старики падали на месте. Лошади, тянущие перегруженные старые фермерские телеги, оседали и рычали в пропитанной потом агонии. Свидетелем этого крупнейшего исхода беженцев за всю историю стала майская французская жара 1940 года.

День за днем сквозь эту толпу прокладывал путь одинокий автомобиль с эффектной молодой женщиной за рулем. У рядового Вирджинии Холл часто заканчивались топливо и лекарства, но несмотря ни на что она двигалась на машине скорой помощи французской армии в направлении все приближающегося врага. Она упорно продолжала движение, даже когда по небу с визгом проносились немецкие «Штуки», сбрасывая пятидесятикилограммовые бомбы на окружающие ее вереницы машин, поджигая их и превращая дороги в испещренное кратерами полотно. Даже когда истребители проносились над верхушками деревьев, расстреливая из пулеметов траншеи, где женщины и дети пытались укрыться от этой кровавой бойни. Даже несмотря на то, что французские солдаты, бросая оружие, дезертировали из военных частей и убегали, некоторые прямо на своих армейских танках. Даже когда ее левое бедро пронзала боль из-за того, что она постоянно жала на педаль сцепления протезом ноги.

Для 34-летней Вирджинии, пережившей столько жестоких отказов, эта миссия стала поворотным моментом в жизни. Она не могла снова потерпеть неудачу – ради нее самой и ради раненых, которых она забирала с полей сражений и доставляла в госпиталь. Было много причин, по которым она добровольно рисковала жизнью вдали от дома, помогая чужой стране, в то время как миллионы других сдавались. Возможно, главной причиной было то, что она давно не чувствовала себя такой удивительно живой. Трусость дезертиров вызывала у Вирджинии отвращение, она просто не могла понять, почему они не продолжают борьбу. Но ей было практически нечего терять. Французы все еще помнили, что треть их молодого мужского населения была принесена в жертву Великой войне¹, и нация вдов и сирот не была настроена на новое кровопролитие. Однако Вирджиния намеревалась идти до конца, куда бы битва ни привела ее. Она была готова пойти на любой риск, столкнуться с любыми опасностями. Всеобщая война против Третьего рейха могла удивительным образом дать Вирджинии Холл последнюю надежду на личный покой.

Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что готовила ей жизнь дальше, постепенно превращаясь в гомеровский эпос о приключениях, подвигах и казавшемся непостижимым мужестве. Служба Вирджинии Холл в скорой помощи летом 1940 года была лишь под-

¹ Имеется в виду Первая мировая война (1914–1918). «Великой войной» или «Большой войной» ее называли во всем мире непосредственно во время боевых действий и некоторое время после. – Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, – *Прим. ред.*

готовкой к тому, что вскоре переросло в почти самоубийственную миссию против тирании нацистов и их марионеток во Франции. Она стала первопроходцем в отчаянном и рискованном шпионаже, саботаже и подрывной деятельности в тылу врага в эпоху, когда женщины едва ли могли выступить в героической роли: их участие в бою фактически ограничивалось поддержкой и уходом за ранеными. В те времена женщина должна была всего лишь хорошо выглядеть и вести себя послушно, оставляя всю тяжелую работу мужчинам. В те времена женщины-инвалиды (как, впрочем, и мужчины) чаще всего были заперты дома и вынуждены вести частную, ничем не примечательную жизнь. Поэтому поразительно, что молодая женщина, потерявшая ногу при трагических обстоятельствах, вырвалась из самых тесных рамок и смогла преодолеть предрассудки и даже враждебность, чтобы помочь союзникам выиграть Вторую мировую войну. А тот факт, что женщина – лидер партизанского движения такого масштаба до сих пор столь мало известна, просто невероятен.

И тем не менее, возможно, Вирджиния хотела бы именно этого. Она действовала в тени, и именно там она была счастливее всего. Даже ее ближайшему кругу во Франции казалось, что у нее нет ни дома, ни семьи, ни полка, – ничего, кроме горячего желания победить нацистов. Они не знали ни ее настоящего имени, ни национальности, ни того, как она оказалась среди них. Постоянно меняя внешность и манеру поведения, неожиданно появляясь в различных уголках Франции только для того, чтобы снова столь же внезапно исчезнуть, она оставалась загадкой на протяжении всей войны, а в некотором роде и после нее. Даже сейчас, чтобы проследить ее историю, мне потребовалось три года кропотливой детективной работы: от Национального архива в Лондоне к документам Сопротивления в Лионе, зонам парашютной выброски в Верхней Луаре, судебным записям в Париже и даже белым мраморным коридорам штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли. В своих поисках я прошла через девять кругов служб безопасности к самому сердцу современного мира американского шпионажа. Я обсуждала трудности операций на вражеской территории с бывшими бойцами британского спецназа. Я разыскала часть документов, которые считались пропавшими без вести, и обнаружила, что другая их часть была загадочным образом потеряна или отсутствует в описях. Я проводила дни, рисуя органограммы², соответствующие десяткам кодовых имен с десятками миссий; проводила годы, откапывая сотни забытых документов и мемуаров; проводила месяцы, выискивая оставшиеся выдержки из тех странных «исчезнувших» бумаг. Конечно, лучшие партизанские лидеры не ставят себе целью осчастливить будущих историков, записывая в пять утра в дневник идеальные отчеты о своих ночных миссиях. А те отчеты, которые существуют, часто отрывочны или противоречивы, что только усложняет задачу установления связей. Временами казалось, что мы с Вирджинией играем в кошки-мышки; словно из могилы она все еще, как она обычно выражалась, «не желала говорить о том, что сделала». В ее тайной вселенной, когда практически вся Европа от Северного моря до границ СССР находилась у нацистов под каблуком, доверие было непозволительной роскошью. Таинственность была так же важна, как кольт 45-го калибра. И все же в эпоху, когда мир, кажется, снова клонится к разделению и экстремизму, ее пример товарищества, не знающего границ, и стремление к высшему идеалу выделяются больше, чем когда-либо, – и о об этом необходимо говорить.

Правительства стран также не упростили задачу заполнения пробелов. Десятки важных документов до сих пор засекречены для следующего поколения, хотя мне удалось добыть некоторые из них для этой книги благодаря неоценимой помощи двух бывших офицеров разведки. Еще больше материалов сгорело во время разрушительного пожара в Национальном архиве Франции в 1970-х годах, оставив дыру в официальных отчетах. Целые пачки бумаг в Национальном управлении архивов и документации в г. Вашингтоне, по-видимому, были утеряны или, возможно, неправильно подшиты в папки; какое-то приличное их количество, по-види-

² То есть организационные диаграммы – таблицы или схемы, изображающие иерархии или структуры управления.

тому, забыто при переезде из одного здания в другое. Сохранилось только пятнадцать процентов оригинальных документов Управления специальных операций – британской секретной службы, на которую Вирджиния работала с 1941-го по 1944-й год. Тем не менее, несмотря на все эти трудности, все петляния и резкие повороты в темных и тщательно скрытых переулках, история Вирджинии ни разу не разочаровала: на самом деле она каждый раз оказывалась еще более необычной, ее персонажи – еще более яркими, ее значение – намного большим, чем можно было представить. Вирджиния Холл не только помогла навсегда изменить искусство шпионажа и то, как видят женщин во время войны, но и существенно повлияла на ход боевых действий во Франции.

Враги Вирджинии были хитрыми и смертельно опасными; и она действовала более галантно и смело, чем в сюжетах многих голливудских блокбастеров. И все же эта невероятная история – чистая правда, а Вирджиния – героиня из реальной жизни, которая упорно продолжала идти вперед несмотря ни на что, даже когда казалось, что все потеряно. Безжалостная вселенная обмана и интриг, в которой она обитала, вдохновила Яна Флеминга на создание Джеймса Бонда, но в итоге к образу идеального шпиона оказалась ближе Вирджиния Холл. Столь же безжалостная и хитрая, как вымышленный командер Бонд, в отличие от него она знала, что необходимо слиться с толпой и всегда держаться на расстоянии как от друзей, так и от врагов. Там, где имя Бонда было известно каждому международному злодею, она ускользала от своих невидимых врагов. Там, где Бонд водил роскошный Aston Martin, она путешествовала поездом или трамваем, или, несмотря на инвалидность, пешком. Там, где персонаж Флеминга, казалось, легко поднимался на вершину, Вирджинии пришлось бороться за каждую крупницу признания. Ее борьба сделала ее великой личностью. Она выжила и даже преуспела в тайной подпольной жизни, ломающей многих, казалось бы, гораздо более подходящих для этой работы людей. Неудивительно, что нынешний глава МИ-6, известный как С, рассказал, что он специально ищет новобранцев, которые не кричат слишком громко и не хвастаются, но которым пришлось «бороться, чтобы преуспеть в жизни»³.

Вирджиния была человеком, конечно, не лишенным недостатков, страхов и сомнений, присущих всем нам (возможно, у нее их было даже больше). Но они только помогали ей лучше понимать своих врагов. Лишь однажды инстинкты подвели ее – с катастрофическими последствиями. Однако чаще всего она умирала своих демонов и в процессе завоевывала доверие, восхищение и, в конечном счете, благодарность тысяч людей. Встретив Вирджинию, было невозможно ее забыть. До того момента, как в 1960-х годах она ушла на пенсию, завершив свою послевоенную карьеру в ЦРУ, она была женщиной, опередившей свое время – и ей все еще есть что сказать нам сегодня.

Она придала новую форму тайной войне – войне вне старых правил конфликта – и, хотя и была поначалу любителем, стала одним из величайших военных шпионов. Споры о женщинах, сражающихся наравне с мужчинами на передовой, все еще бушуют, но почти восемь десятилетий назад она уже командовала мужчинами глубоко в тылу врага. Она пережила шесть лет войны в Европе – мало кто из американцев проходил через подобный опыт. Она снова и снова ставила на кон собственную жизнь, но не из пылкого чувства патриотизма, а из любви и уважения к свободам другой страны. Она взрывала мосты и туннели, обманывала, торговала и убивала, когда это было необходимо. Война, которую она вела, была по форме похожа на современную, основанную на пропаганде, обмане и создании внутреннего врага с целью свергнуть режим, – эти методы теперь всем нам хорошо знакомы. Но ее цели были благородны – она хотела защитить, а не уничтожить, вернуть свободу, а не отнять ее. Она не стремилась ни к славе, ни к популярности – она их и не обрела.

³ *The Guardian*. 02.03.2017.

Это не военный отчет о битве за Францию, не анализ изменчивых форм шпионажа или все возрастающей роли сил специального назначения. Хотя все это, конечно, создает богатый и драматический фон истории Вирджинии. Эта книга – скорее попытка показать, как одна женщина помогла переломить ход истории и боролась за правду. Как невзгоды, неприятие и страдание иногда могут превратиться в решимость и, в конце концов, в победу. Даже на фоне жестокого и ужасающего конфликта, который отбрасывает длинную тень на то, как мы живем сегодня. Как женщины, если только им дадут шанс, могут выйти за рамки традиционного образа женской красоты, чтобы бросить вызов любым стереотипам. И как отчаянное и страшное военное время может странным, почти извращенным образом открыть возможности, к которым нормальная жизнь, к сожалению, не дает доступа.

Конечно, Вирджиния, служившая в британских и американских спецслужбах, работала не одна. Поддерживающие ее местные жители – врачи, проститутки, жены фермеров, учителя, промышленники и полицейские – также были забыты историей, но часто дорого платили за свою доблесть. И хотя их действия были отчасти вдохновлены романтическими идеями и возвышенными идеалами, в то же время они осознавали, что если допустят ошибку или попадут в плен, то обрекут себя на одинокую и ужасную смерть. Некоторые из самых коррумпированных и чудовищных фигур Третьего рейха были одержимы Вирджинией и ее связями и неустанно стремились уничтожить ее и движение, которое она помогла создать. Но когда в 1944 году настал час освобождения Франции, секретные армии, которые она снаряжала, обучала, а иногда и возглавляла, превзошли все ожидания и помогли добиться полной и окончательной победы союзников. Но даже этого ей было мало.

Глава первая

Мечта

Миссис Барбара Холл думала, что все идет ровно так, как она и планировала. Вирджинию, родившуюся 6 апреля 1906 года, свою единственную дочь и младшего ребенка в семье, она растила, рассчитывая на выгодный брак для девушки. В прошлом веке, будучи юной секретаршей, Барбара сорвала куш, выйдя замуж за своего начальника Эдвина Ли Холла (известного также как Нед) – богатого балтиморского банкира и владельца кинотеатра – и больше никогда не хотела оглядываться назад. Столь крутой подъем по социальной лестнице в высшие круги Восточного побережья привил ей манеру, по крайней мере, по словам ее собственной семьи, «задирать нос». В конце концов, хоть и рассказывали, что отец Неда, Джон У. Холл, сбежал в море в возрасте девяти лет на одном из семейных парусников, но впоследствии-то он женился на богатой наследнице и стал президентом Первого национального банка. Брат Джона, двоюродный дед Вирджинии, носил титул почетнейшего члена элитного жокей-клуба Мэриленда. Барбара видела роскошную жизнь старших Холлов: коридор их роскошного таунхауса в Балтиморе, по общему мнению, был достаточно широк, чтобы в нем могла развернуться карета вместе с лошадьми. Но Неду, к явному разочарованию Барбары, не удалось сохранить семейное состояние, не говоря уже о том, чтобы его увеличить, поэтому домохозяйство Холлов стало более скромным. Их семейный дом на ферме Боксхорн в Мэриленде был элегантным, но не имел центрального отопления и снабжался водой из ручья. Да и квартира в центре Балтимора была съемной. Так что долгом Вирджинии было вернуть семью Холлов на прежние социальные высоты, выйдя замуж за богатого мужчину.

В своей прежней жизни Барбара с явным удовольствием наблюдала, как за Вирджинией ухаживают состоятельные женихи. До того как она потеряла ногу, Вирджиния была столь привлекательна, что друзья в шикарной частной средней школе Roland Park Country называли ее «Донной Хуанитой»⁴. Высокая и стройная, с блестящими орехово-кариими глазами и очаровательной улыбкой (когда она решала ею воспользоваться), Вирджиния была необычайно энергичной и представляла собой вызов для мечтавших ее приручить молодых людей. Однако она с презрением относилась к таким проявлениям мужского пыла и отстаивала свою независимость, надевая широкие брюки и клетчатые рубашки при любой возможности. «Свободу вы должны мне дать во всем чтоб я, как вольный ветер»⁵, – в возрасте восемнадцати лет написала она в выпускном альбоме школы в 1924 году. Мало из того, что она говорила или делала, соответствовало грандиозному плану ее матери.

Вирджиния любила бросать вызов условностям. Она охотилась с ружьем, снимала шкуру с кроликов, ездила на лошади без седла, а однажды даже пришла в школу с рукой увитой, подобно браслету, живыми змеями. Словно ее дедушка-мореплаватель, бесстрашная юная Динди, как называла ее семья, жаждала приключений, даже если это означало надолго отказаться от комфорта. Тот факт, что школа Roland Park Country с диккенсовской настойчивостью следовала правилу держать окна открытыми в морозную погоду (то есть девочки сидели на уроках в пальто, перчатках и шляпах), похоже, ее совсем не беспокоил.

Динди описывала себя как «упрямую и своенравную»⁶ – мнение, которое разделяли ее одноклассники, тем не менее, также признававшие ее организаторские способности и инициа-

⁴ «Донна Хуанита», или «Донья Жуанита» – оперетта Ф. фон Зуппе. Жуанита – прекрасная племянница жены губернатора острова, однако большая часть оперетты проходит без этого персонажа. Действие развивается вокруг приема с переодеванием: один из героев, разведчик Жуан, выдает себя за прекрасную Жуаниту, чтобы выведать секретные военные сведения.

⁵ Цитата из комедии Шекспира «Как вам это понравится». Пер. П. И. Вейнберга. – *Прим. пер.*

⁶ Журнал Quid Nunc, сельская школа Роланд Парк.

тиву. Они считали ее своим естественным лидером и голосованием выбрали ее в качестве президента класса, главного редактора, капитана спортивной команды и даже «Пророка класса». Ее старший брат Джон изучал химию в Университете Айовы, а затем, как положено, пошел работать к отцу – путь, предreshенный с самого его рождения. Вирджиния, напротив любила исследовать новое, заставляя своих одноклассников не ожидать от нее ничего, кроме самого неожиданного. Сверстники в школе считали ее наиболее «оригинальной» среди них, – она явно считала это комплиментом – и Вирджиния признавалась, что стремилась «всегда соответствовать своей репутации»⁷. Если Нед снисходительно относился к этому индивидуалистическому подходу, то у Барбары были совершенно другие взгляды. Миссис Холл хотела, чтобы ее «оригинальная» дочь отказалась от своей тяги к приключениям ради большего – богатого мужа и фешенебельного дома. В возрасте девятнадцати лет Вирджиния уже, как это было заведено, была помолвлена и, похоже, обречена на тихую домашнюю жизнь, подобно множеству других девушек своего круга, делавших в 1920-х годах первые шаги во взрослый мир.

Однако каким бы подходящим ни был ее состоятельный жених в глазах ее матери, Вирджинию возмущали его претензии и его измены. Да, от молодых «леди», таких как Вирджиния, всегда ожидалось, что они будут подчиняться своим мужчинам. Теперь же, с появлением в Балтиморе (как и везде в то время) любящих независимость «эмансипе», в воздухе витал дух мятежа. Это был новый тип молодых женщин, которые нарушали запрет на алкоголь эпохи «сухого закона» и шокировали старшее поколение, остригая коротко волосы, куря и танцуя под джаз. Они отвергали односторонние ограничения традиционного брака и стали играть более активную роль в политике не в последнюю очередь потому, что в 1920 году (после столетия протестов) американкам было предоставлено право голоса. Вирджиния огляделась вокруг: домашняя жизнь душила ее, а внешний мир, казалось, предлагал новые заманчивые свободы. И вот, к явному негодованию жениха, она его бросила. (Это оказалось правильным решением, поскольку в дальнейшем он заработал себе сомнительную репутацию тремя несчастливыми и полными измен браками.)

Вирджиния, возможно, и разделяла честолюбие своей матери, но она решила направить его на карьеру и исследование мира, а не на то, чтобы заполучить нерадивого мужа, каким бы богатым он ни был. В юности у Барбары, казалось, не было иного выбора, кроме как работать секретаршей, – в конце XIX в. у незамужней женщины со скромным состоянием было мало других вариантов. Теперь она была озадачена желанием дочери работать, а не провести всю жизнь в браке, но регулярные поездки Вирджинии в Европу в детстве с родителями и братом пробудили в ней жажду путешествий. В школе она также преуспевала в языках, вдохновленная своей элегантно одетой немецкой няней, к которой она обращалась «фройляйн». Теперь Вирджиния мечтала наконец встретить тех, кого она называла «интересными» людьми, став послом, очевидно не пугаясь, что такие высокие посты до сих пор всегда отдавались мужчинам. Динди стремилась доказать, что в мире мужчин она является равной. Ради этой цели ее любящий отец (с которым она была необычайно близка) позволил ей провести следующие семь лет, обучаясь в пяти престижных университетах. Она поступила в 1924 году в Кембридж, штат Массачусетс, в колледж Рэдклифф (ныне часть Гарварда), но атмосфера синих чулок ей наскучила, и в 1925 году она переехала в более столичный Барнардский колледж на Манхэттене. Ей нравились театры на Бродвее, но Вирджиния понимала, что после того, как она бросила одного жениха, от нее ждут, что она подчинится правилам общества и найдет подходящего мужа. Ей этого сделать не удалось. Вирджиния не произвела впечатления и на своих наставников, которые отметили ее как «среднюю ученицу», не участвовавшую в жизни кампуса и не посещавшую уроки физкультуры. Ее любимыми предметами были французский язык и математика (а ненавистными – латынь и богословие). Но, хотя она и ушла из колледжа с «хорошей репута-

⁷ Там же.

цией», в ее табеле были в основном «тройки» и она не закончила учебу. Вирджиния знала, что ей нужно высшее образование, но теперь она очень хотела начать свою жизнь в реальном мире. Барнардский колледж, возможно, все еще слишком напоминал ей дом, не давая расцвести в полной мере.

Париж, казалось, открывал более широкие горизонты, и она убедила своих родителей, что ей будет лучше, только если она сможет уехать за границу. Как и многие зажиточные американцы с Восточного побережья до и после нее, Вирджиния считала французскую столицу элегантными воротами к освобождению. Каждую неделю сотни молодых американцев садились на лайнеры Cunard, направляющиеся в Европу, и она хотела присоединиться к веселью. Она видела, что от парижских модниц – так называемых *garçonne*⁸ – решительно ожидали, что они будут независимыми, спортивными и обладающими андрогинной внешностью; а также работать и любить так, как им заблагорассудится. Итак, в 1926 году двадцатилетняя Вирджиния переехала на другую сторону Атлантики, подальше от разочарованной матери, чтобы поступить в Свободную школу политических наук на левом берегу города в разгар так называемых «ревуших двадцатых». Вместо американского «сухого закона» и расовой сегрегации она обнаружила невероятно разнообразную художественную, литературную и музыкальную сцену, привлекавшую таких писателей, как Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Гертруда Стайн и Эрнест Хемингуэй; а также легендарную темнокожую танцовщицу Жозефину Бейкер (известную своими выступлениями в стиле чарльстон в «Фоли-Бержер», а затем своим участием в Соппротивлении). Она встречалась с актрисами, автогонщиками, интеллектуалами и подающими надежды политиками в кафе Сен-Жермена и джаз-клубах Монмартра. Предприимчивая молодая женщина из Балтимора курила, пила и танцевала со своими новыми друзьями, гораздо более увлеченная тем, что она узнала в барах и кафе Франции, чем на школьной скамье. Здесь она наконец почувствовала себя свободной.

Этот образ жизни продолжился, когда осенью 1927 года она поступила в Дипломатическую академию Вены, чтобы изучать языки, экономику и журналистику. В отличие от времени, которое она провела в Нью-Йорке, теперь она хорошо училась, получая необходимые оценки с минимальными усилиями и находя достаточно времени, чтобы насладиться безумной городской жизнью. Высокая, стройная и элегантно одетая по последней европейской моде, Вирджиния привлекала много мужского внимания. Особенно со стороны лихого офицера польской армии по имени Эмиль, который сопровождал ее на романтических прогулках по берегам Дуная: он обожал ее свободолюбивый дух и тем самым завоевал ее сердце. Но Нед (по-видимому, подстрекаемый Барбарой) был против неопределенного происхождения жениха и идеи о том, чтобы его дочь поселилась в Европе навсегда, так что он запретил ей видеться с ним. Хотя и убитая этим требованием, обычно своенравная Вирджиния подчинилась своему любимому Неду (как она его называла) и разорвала неофициальную помолвку. Некоторое время после этого она хранила фотографию Эмиля, но ее независимость ограничивалась только этим. Она никогда больше не видела своего возлюбленного, лишь позже узнав, что он, вероятно, погиб весной 1940 года. Вместе с тысячами польских офицеров он был хладнокровно расстрелян НКВД во время Второй мировой войны и погребен в одной из братских могил в Катынском лесу.

Оправившись от душевной травмы, Вирджиния вернулась из Европы домой совсем не той женщиной, что отправилась туда в 1926 году. Она везла с собой не только ученую степень – наконец-то, – но и еще более глгую веру в женскую эмансипацию. Эти три беззаботных года привили ей глубокую и неизменную любовь к Франции и свободам, которые ей подарил французский народ. Эта страсть заставила ее противостоять грядущему варварству и рискнуть своей жизнью, чтобы защитить страну, которую она называла вторым домом. Вирджиния

⁸ *Garçonne* (буквально «пацанки») – прозвище эмансипированных молодых девушек 1920-х годов во Франции.

также отточила владение пятью иностранными языками – особенно французским и немецким, а также испанским, итальянским и русским – хотя, что немаловажно, она так и не смогла избавиться от американской манеры растягивать слова. Однако она необычайно хорошо разбиралась в европейской культуре, географии и, прежде всего, в политике. Когда Вирджиния была в Вене, она видела торжество фашистских группировок во время всплеск кровавых политических беспорядков. За границей она была свидетелем того, как Национал-социалистическая партия Адольфа Гитлера быстро набирала популярность благодаря его обещанию поставить на первое место Германию; а его митинги в Нюрнберге с 1927 года стали массовыми демонстрациями нацистской военизированной власти. В соседней Италии Бенито Муссолини уже объявил войну самой демократии еще в 1925 году и с тех пор строил полицейское государство. Таким образом, Вирджиния оказалась свидетельницей того, как на горизонте сгущались темные тучи национализма. Мир в Европе и опьяняющая «прекрасная жизнь Парижа» оказались под угрозой.

Динди вернулась домой в Мэриленд и на ферму Боксхорн в июле 1929 года, незадолго до того, как большая часть оставшегося от семейного состояния исчезла в результате краха Уолл-стрит и последовавшей за ним депрессии. Ее брат Джон потерял работу в находящемся теперь в отчаянном положении семейном строительном и финансовом бизнесе. Общее уныние, похоже, повлияло и на прохождение аспирантуры Вирджинии в области французского языка и экономики в Университете Джорджа Вашингтона в Вашингтоне. Ее посещаемость была нестабильной, но оценок хватило, чтобы подать заявление в Государственный департамент США. Стать профессиональным дипломатом все еще было ее пылкой мечтой. С юношеской уверенностью – подкрепленной несколькими языками и обширной академической подготовкой – она ожидала, что успешно сдаст необходимый вступительный экзамен. Хотя тот факт, что только шесть из полутора тысяч офицерских постов дипломатической службы того времени занимали женщины, должен был внушить разумные опасения. Отказ был быстрым и жестоким. «Поскольку высшие эшелоны Государственного департамента, похоже, не желают принимать женщин в свои ряды, – сказала она своему другу Элдриджу Дарброу, отказываясь мириться с поражением, – я войду через черный ход...»⁹

Тем временем она пыталась поддержать отца, мечущегося от одной бизнес-катастрофы к другой в попытках спасти от бедственного положения тысячи людей, оставшихся без работы, – ему и самому грозила перспектива личного краха. 22 января 1931 года, выходя из своего офиса в центре Балтимора, Нед рухнул на тротуар от обширного инфаркта и через несколько часов скончался. Его уход из жизни в возрасте всего пятидесяти девяти лет стал жестоким ударом для семьи и, возможно, больше всего для Вирджинии. Он обожал свою юную дерзкую Динди, потворствуя ее пристрастиям к традиционно мужским занятиям, таким как охота, и даже купил дочери ружье. Теперь его не стало, а вместе с ним и большей части денег. Джон с женой и двумя детьми переехали к Барбаре на ферму Боксхорн, чтобы сократить расходы, и ожидалось, что Вирджиния вместе с ними будет вести тихую, спокойную жизнь. Однако долго сидеть взаперти она не могла, так что вскоре начала подыскивать себе работу. После семи месяцев, проведенных дома, в августе 1931 года Вирджиния наконец-то вышла на офисную работу в американском посольстве в Варшаве с зарплатой 2000 долларов в год. Это были приличные деньги – на треть выше, чем средний доход домохозяйства в Америке во время Великой депрессии, когда многие семьи находились за чертой бедности. Она, наконец, вырвалась из Балтимора и вступила в ряды Государственного департамента. Но при всей ее образованности и высоких ожиданиях она была всего лишь секретаршей, как и ее мать когда-то.

Тем не менее своими выдающимся умом и инициативностью Вирджиния быстро произвела хорошее впечатление на работе. В ее обязанности входили шифрование и расшиф-

⁹ Росситер М. *Women in the Resistance*, с. 190.

ровка телеграмм, работа с почтой, оформление дипломатических виз и отправка отчетов в Вашингтон о все более напряженной политической обстановке. Варшава была оживленным городом с самым большим еврейским населением в Европе, но Польша (ставшая независимым государством только после окончания Первой мировой войны) оказалась зажата между двумя могучими державами – Германией и СССР, – и ее будущее было неопределенным. Это были интересные время и место, и симпатии Вирджинии к полякам, без сомнения, усиливались воспоминаниями о давнем романе с Эмилем. Она понимала, что, сидя за пишущей машинкой, впустую тратит свои обширные знания и опыт. Поэтому год спустя она попросила поддержки у своего начальства – в том числе и для ее друга Эддриджа Дарброу, который теперь был вице-консулом, – и подала заявку на пересдачу вступительного экзамена в дипломатический корпус. Особенно Вирджиния была уверена в устном экзамене: ранее она уже показала себя выдающимся кандидатом, набрав сто процентов на первом этапе. Она знала, что при личном общении производит наиболее благоприятное впечатление. Однако удивительным образом комиссия так и не получила устные вопросы к экзамену, так что вся заявка Вирджинии была признана недействительной. Только она подумала, что ее наконец-то возьмут в самое сердце Государственного департамента, как ее снова выбросили на его задворки.

Разочарованная, семь месяцев спустя она подала заявку на позицию, идеально подходившую для человека, который любит природу так, как любила ее Вирджиния. Должность предполагала перевод в Смирну (ныне Измир) в Турции, город, расположенный вблизи лагун и солончаков дельты Гедиз, известной своими популяциями пеликанов и фламинго. Официальные обязанности Вирджинии, когда она прибыла в апреле 1933 года, были столь же прозаичны, как и в Варшаве, да и с политической точки зрения Смирна представляла меньший стратегический интерес. Однако именно здесь предприимчивая, хотя, быть может, все еще наивная молодая женщина превратилась в фигуру исключительной силы духа. Именно здесь судьба протянула Вирджинии руку, навсегда изменив ее жизнь, а также отношение общества к женщинам на войне. Удивительно, но то, что произошло в этом месте, где река Гедиз впадает в сверкающее Эгейское море, помогло определить будущее одной далекой нации в мировой войне, до которой оставалось еще шесть лет.

Вскоре после прибытия Вирджиния начала организовывать походы в болота с друзьями для охоты на бекасов. Рассвет в пятницу 8 декабря был ясным и мягким, и она готовилась к очередному насыщенному дню, взяв заветное ружье 12-го калибра, которое ей подарил покойный отец. В тот день охота шла успешно, и в группе товарищей царило сильное возбуждение; хотя в бекасов трудно попасть на лету из-за их сложной траектории полета. В Вирджинии всегда был силен дух соперничества, и, возможно, именно стремление первой поймать одну из этих скрытных птиц побудило ее не ставить ружье на предохранитель. Как бы то ни было, когда она перелезала через проволочный забор, протянувшийся по заболоченной местности вдоль зарослей высокого тростника, Вирджиния оступилась. Когда она падала, оружие соскользнуло с ее плеча и застряло в длинном пальто. Она потянулась к нему, но, схватив ружье, выстрелила в упор себе в левую ногу.

Медленно стекая по ноге теряющей сознание Вирджинии, кровь окрашивала мутные воды дельты, раскинувшиеся вокруг. Ранение было серьезным – выпущенная пуля была крупной и предназначалась для того, чтобы убить птицу мгновенно. Друзья Вирджинии отчаянно пытались остановить кровотечение с помощью импровизированного жгута, пока несли ее к машине и мчались в городскую больницу. Врачи в Смирне сработали быстро, и в течение следующих трех недель Вирджиния, казалось, приходила в себя и выздоравливала. Ее друзьям и коллегам в штаб-квартире Госдепартамента в Вашингтоне сказали, что через пару месяцев Вирджиния вернется к нормальной жизни. Но местные врачи еще не знали, что в открытую рану проникла опасная инфекция. Незадолго до Рождества состояние пострадавшей начало стремительно ухудшаться – пришлось в срочном порядке вызывать главу американского гос-

питался в Стамбуле с двумя американскими медсестрами. К тому времени, когда они прибыли после 24-часовой поездки на поезде, ступня Вирджинии распухла и почернела; гниющая плоть источала зловоние, все тело пронзала жгучая боль. Американская команда тут же поняла, что дело приняло худший из возможных оборотов: развилась гангрена, и она быстро распространилась по голени. Без антибиотиков эффективного лечения не существовало, и все внутренние органы Вирджинии были под угрозой поражения. Женщина была уже на грани смерти, когда на Рождество хирурги ампутировали ее левую ногу ниже колена в последней отчаянной попытке спасти ей жизнь. Вирджинии было двадцать семь лет¹⁰.

Ампутация прошла успешно, учитывая все обстоятельства, но, когда Вирджиния пришла в себя, ее охватила неизбывная тоска. Консульство Измира телеграфировало в Вашингтон, что «клерк Холл» «отдыхает с комфортом» и, как ожидается, придет в норму в течение двух или трех недель, хотя возвращение к должностным обязанностям займет гораздо больше времени. Но в те первые дни Вирджиния не могла представить, как она сможет жить дальше. Ее жизнь теперь сводилась к больничной койке и, что было еще хуже, к жалости окружающих. И как она сообщит эту новость матери, которая никогда не хотела, чтобы ее дочь уезжала так далеко, и которая уже потеряла своего любимого Неда? Вирджинии до конца жизни предстояло снова и снова заново проживать события рокового дня, калейдоскопом крови и страданий проносящиеся в ее голове, – она так и не смогла простить себя за эту неосторожность.

Американский консул Перри Джордж телеграфировал в Вашингтон с просьбой «максимально тактично» сообщить миссис Холл о происшествии с Вирджинией. Как и опасалась Вирджиния, получив ужасные новости о дочери, Барбара была безутешна. Вскоре о трагедии сообщили в прессе, но общественное сочувствие не слишком помогло Барбаре, парализованной страхом потерять своего младшего ребенка. Только 6 января она получила новости из Измира, что опасность миновала. Американский врач, наконец, вернулся в Стамбул с чувством выполненного долга – он спас жизнь своей пациентки.

Одиннадцать дней спустя снова зазвенел тревожный звонок. Возникла новая инфекция – вероятно, сепсис – потенциально смертельное заражение крови. И опять в отчаянной борьбе за жизнь Вирджинии местные врачи вводили ей в колено загадочные сыворотки, пытаясь спасти его, при этом каждый час консультируясь по телефону с американцами в Стамбуле. Даже сегодня, в условиях современной медицины, состояние Вирджинии было бы признано критическим; тогда же ее шансы выжить стремились к нулю. Ежедневная боль при смене пропитанных гноем повязок на культе была почти невыносимой, и часто ее сердце болезненно заходило.

Однажды ночью, в бреду от инфекции, распространяющейся по всему телу, Вирджиния в холодном поту увидела то, что всю оставшуюся жизнь описывала как «видение». Хотя ее семья осталась за тысячи миль от дома, у ее постели появился покойный отец с простым посланием: она не должна сдаваться. Нед сказал дочери, что «ее долг – выжить», но, если она действительно не сможет больше выносить своих страданий, он за ней вернется. И хотя Вирджиния не была религиозной в формальном смысле этого слова, она искренне верила, что Нед говорил с ней. Его слова остались с ней, придавая сил, и на протяжении многих лет она часто вспоминала о том, как он заставил ее бороться¹¹. Так что она продолжила первую, но далеко не последнюю битву за свою жизнь. В одиночестве, если не считать призрака отца. Вирджиния чувствовала, что если после столь ужасных страданий она все-таки оправится, то наверняка сможет вынести все, что уготовит ей жизнь. Она не позволила бы своей Великой Ошибке встать у нее на пути. Ради своего отца.

¹⁰ Телеграмма консульства в Измире в Государственный департамент США в Вашингтоне. 25.12.1933 // NARA Record Group 59.

¹¹ Кэтлинг Л. Интервью с автором в ее доме. 28.10.2017.

Чудесным образом Вирджиния выжила, и консул, каждый день преданно навещавший ее, был поражен ее стойкостью. В конце концов Вирджинию перевели в более современную больницу в Стамбуле для реабилитации. За долгие недели восстановления она решила, что не позволит обращаться с ней как с инвалидом. В мае 1934 г. она настояла, вопреки советам врачей и работодателей, что должна вернуться на работу в консульство на следующий день после выписки. Это было ужасным решением. Врачи могли предоставить только самую примитивную и плохо подходящую Вирджинии деревянную ногу, так что ей приходилось пользоваться костылями: после долгих месяцев в постели даже короткие периоды ходьбы быстро утомляли. Ситуация с медицинским наблюдением в Смирне оставляла желать лучшего, а боль от раны все еще приносила ужасные мучения. В кои-то веки Вирджиния почувствовала себя опустошенной так далеко от дома. Результатом этого стал физический и эмоциональный срыв. «Сложилась ситуация, которую я предвидел и которой пытался избежать, но мисс Холл не осознавала, какие трудности ей предстояли, – телеграфировал консул Перри в Государственный департамент в Вашингтоне. – Этот эксперимент был болезненным для всех нас»¹². Вирджиния исследовала свои пределы, но вместе с этим и глубину решимости выйти за них.

Через несколько дней Вирджиния уже находилась на корабле, плывущем обратно в Соединенные Штаты, а месяц спустя, 21 июня, она прибыла в Нью-Йорк, где встречающая ее на пирсе семья наблюдала, как она осторожно хромает в их сторону. Ее госпитализировали для серии так называемых «восстановительных операций», почти наверняка включающих в себя отрезание большей части ноги, чтобы избежать некротизирующих инфекций, и установку нового протеза. И хотя по меркам 1930-х годов протез был современным, он был довольно неудобным и держался за счет кожаных ремней и корсета вокруг талии¹³. В жаркую погоду эти ремни сильно натирали, а культя покрывалась волдырями и кровоточила. Несмотря на то, что протез был полым, крашенная деревянная нога с алюминиевой ступней весила добрых восемь фунтов¹⁴. Любые перемещения становились буквально проверкой на выносливость, так что Вирджинии пришлось забыть о любимых занятиях спортом на природе. Боль будет сопровождать ее до конца жизни.

В летние месяцы, проведенные на семейной ферме Боксхорн, Вирджиния заново училась ходить, борясь с назойливыми инфекциями и постоянным депрессивным фоном. Ей нравилось сидеть на веранде и помогать кормить овец, лошадей и коз. Но к ноябрю 1934 года ей уже не терпелось вернуться к работе. Вирджиния получила новую должность в Европе, на этот раз в Венеции, где, она надеялась, условия будут «лучше», чем в Турции, – стране, связанной с такими плохими воспоминаниями, что она зареклась посещать ее снова.

Ни сейчас, ни впоследствии на протяжении всей своей карьеры Вирджиния не просила – и не получала – никаких поблажек в отношении рабочей нагрузки. И лишь редкие приступы раздражительности в ее обычно «невозмутимом» поведении¹⁵, часто характерные для того, кто сталкивается с невыносимыми разочарованиями, говорили о ее страданиях. Она пыталась замаскировать свою инвалидность широкими шагами, но даже в туфлях без каблука, которые она теперь была вынуждена носить, ее перекатывающаяся походка становилась заметной, когда она утомлялась. Подъем и спуск по лестнице по-прежнему представляли трудности, и, следовательно, Венеция, как вскоре поняла Вирджиния, едва ли была подходящим местом для человека, недавно перенесшего ампутацию конечности.

Лишенная автомобилей, Светлейшая Республика была городом для пешеходов. Вирджиния с ужасом смотрела на скользкие мощеные улочки и четыре сотни горбатых мостиков,

¹² Консул Перри Джордж В. 16.05.1934. NARA Record Group 59.

¹³ На протяжении всей книги я в долгу перед Стюартом Эмменсом, куратором общественного здравоохранения в лондонском Музее науки, за его экспертные знания в области исторического протезирования.

¹⁴ Около 3,6 килограмма.

¹⁵ Фут М. Р. Д. SOE in France. – HMSO, 1966, с. 156.

большинство из них со ступенями, через 177 городских каналов. Она быстро придумала гениальное решение: ее каретой стала собственная гондола, украшенная великолепным золотым львом. Преданный местный житель, Анджело, помогал Вирджинии грести и ловил ее, когда «море было беспокойным» и делало «шаткой ее точку опоры»¹⁶. Она развивала умение соби- рать вокруг себя людей, которые изо всех сил старались ей помочь, попав под влияние ее оба- ния и пораженные мужеством, с которым она справлялась со всеми преградами на пути.

Вирджиния поселилась в историческом палаццо, в квартире, с балкона которой открыв- вался потрясающий вид на Гранд-канал. Она снова начала выходить в свет и достала из закро- мов прекрасный фамильный фарфор и серебро Холлов. Она также пригласила мать пожить с ней первые несколько месяцев, ведь Вирджинии могла понадобиться помощь: ее культя «плохо себя чувствовала» во влажной венецианской жаре. Возможно, отчасти причиной постоянного напряжения в доме стали их возобновившиеся споры по поводу решения Вирджинии снова найти работу вдали от дома, чего не поддерживала волновавшаяся мать. Как бы то ни было, несмотря на то, что они искренне любили друг друга, Барбара больше не приезжала в гости к дочери в Европу.

Несмотря на эти испытания, Вирджиния снова произвела впечатление на начальство в американском консульстве, занимавшемся визами, паспортами и репатриацией американских туристов, а также таможенными процедурами для бизнесменов. Отчаянно пытаясь доказать свою состоятельность, она вскоре стала выполнять более сложные задачи, которые обычно были прерогативой профессиональных дипломатов, а не клерков, и даже заменяла вице-кон- сула во время его отсутствия. Она обнаружила, что лучший способ отогнать мрачные мысли – занять себя работой. Консул отметил, что Вирджиния редко отдыхала, работая даже по выход- ным, и никогда не позволяла своим физическим ограничениям мешать делу. Теперь Вирджи- ния предполагала, что, вероятно, никогда не выйдет замуж. Так что на первое место для нее вышла карьера, и она старалась быть в курсе всех политических событий. В ужасе от волны фашизма, поднимающейся вокруг, Вирджиния стремилась принять участие в дипломатиче- ских попытках ее остановить.

Это было время, когда только диктаторы, захватившие власть по всей Европе, каза- лось, давали надежду в разгар массовой безработицы и крайней нищеты. Гитлер, до недав- него времени вызывавший лишь благодушные смешки современников, говоривших, что у него ничего не выйдет, теперь стал канцлером Германии, и ему поклонялись миллионы. Ита- лия, новый дом Вирджинии, была фактически однопартийным фашистским государством под управлением Муссолини, поддерживаемым бандами головорезов, известными как *черноруба- шечники*¹⁷; в СССР безжалостную диктатуру установил Сталин. Такой экстремизм (как левый, так и правый), казалось, можно было наблюдать повсюду на фоне пропаганды, лозунгов и без- жалостных манипуляций со стороны *СМИ*.

Во времена, которые в дальнейшем стали известны как «десятилетие лжи», правда и доверие пали жертвой атмосферы растущего страха, расизма, стыда и ненависти. Вирджиния оказалась в самой гуще событий, наблюдая за тем, как все более хрупкий идеал демократии не может найти сторонников с альтернативными решениями. Редким исключением была ее род- ная страна, где «Новый курс» президента Франклина Рузвельта предлагал программы чрез- вычайной помощи в сочетании с созданием хорошо оплачиваемых рабочих мест. Вирджиния была сторонником Рузвельта и обучалась в Барнарде у одного из его советников, профессора Рэймонда Моли. Но, к ее разочарованию, Америка все еще опасалась ввязываться в то, что считала бесконечными европейскими дразгами, и потому закрывала глаза на тревожные собы-

¹⁶ Вирджиния написала эти слова на обратной стороне фотографии с изображением нее и Анджело в гондоле. Личная коллекция Лорны Кэтлинг.

¹⁷ Чернорубашечники, или сквадристы – вооруженные отряды Национальной фашистской партии в Италии после Первой мировой войны и до конца Второй мировой войны. Создание отрядов было инициировано и организовано Муссолини.

тия в остальном мире. Несмотря на эстетически великолепное окружение Вирджинии, на таком глобальном фоне канцелярская работа в Венеции казалась ей удушающе незначительной.

В конце 1936 года Вирджиния решила еще раз попытаться стать дипломатом. Согласно правилам, после пяти лет службы за границей в качестве клерка Государственного департамента от нее больше не требовалось сдавать письменный экзамен и было достаточно собеседования. Уверенная, что это, наконец, сыграет ей на руку, в январе 1937 года она отплыла обратно в Соединенные Штаты, чтобы продолжить процедуру подачи заявления с одобрения своего начальства в Венеции и с большим оптимизмом в сердце. Теперь, когда ей исполнилось тридцать лет и она уже успела поработать в трех дипломатических миссиях, Вирджиния обладала ценным опытом и знанием местной политики. Но, к ее ужасу, заявление было сразу же отклонено, на этот раз со ссылкой на неясное правило, запрещающее ампутантам занимать дипломатические должности. Сначала она думала, что это просто временное препятствие, и потребовала серию встреч в Государственном департаменте, чтобы доказать, что увечье никоим образом не влияет на ее работу. Это была отважная, но обреченная кампания, и, подавленная, она вернулась в Венецию с растущим чувством презрения к правилам и их исполнителям.

Госсекретарь Корделл Халл вынес вердикт, но сторонники Вирджинии, многие из них ярые демократы, как и сами Холлы, были возмущены тем, что такое обращение с ней осталось безнаказанным. После нескольких месяцев и шквала переписки между различными влиятельными друзьями семьи один из них, полковник Э. М. Хаус, взял на себя задачу лоббировать интересы своей старой подруги в Овальном кабинете. Вирджиния, говорил он Рузвельту, была «удивительно умной и порядочной женщиной», которая «служила нашей стране» и стала жертвой «несправедливости». Несмотря на травму, она вела активный образ жизни, занималась греблей, плаванием, верховой ездой, и «продолжала свою работу», но тем не менее ей сказали, что она никогда не перейдет в дипломатический корпус. 4 февраля 1938 года президент Рузвельт попросил Халла провести брифинг по Вирджинии, которая, похоже, обиделась на такое особое к ней отношение. Президенту сказали, что травма Вирджинии мешала ее работе и что она не соответствовала требованиям дипломатической должности. Халл, по-видимому, проигнорировав восторженные отчеты из консульства в Венеции, предположил, что Вирджиния может сделать «прекрасную карьеру», но только если останется на уровне клерка. И да, Рузвельт преодолел собственный полупаралич, вызванный перенесенным полиомиелитом, и достиг самых высоких должностей. Но, как бы это ни было иронично, он не видел причин обсуждать этот вопрос дальше.

Вскоре после этого, вполне возможно, что в качестве наказания за дерзость, Вирджинии было приказано покинуть Венецию вопреки ее желанию и явиться на службу в американскую миссию в Таллинне, далекой столице все более авторитарного прибалтийского государства Эстония. Когда Вирджиния попросила проехать через Париж, что было лишь небольшим отклонением от маршрута, чтобы срочно починить протез ноги, ей сообщили, что эти расходы не будут возмещены. Не менее оскорбительным было и то, что ее прямому преемнику в Венеции – мужчине – был предоставлен статус вице-консула и более высокая зарплата. Все больше оправдывая свою мятежную репутацию, Вирджиния решила отправиться в столицу Франции своим ходом на несколько недель и встретиться там со старыми друзьями.

Немногие в Париже знали о произошедшем с ней несчастном случае, даже если они, возможно, и недоумевали, почему она всегда носит толстые чулки в солнечные весенние дни. Они, конечно, понятия не имели, что этот специальный трикотаж помогает замаскировать протез и смягчить культю, чтобы минимизировать боль и кровотечения. Хотя Вирджиния называла себя приверженкой епископальной (или англиканской) церкви, со стороны матери ее семья происходила из пенсильванских голландцев стойких взглядов, потомков первых немецких поселенцев, связанных с амишами. Она была воспитана так, чтобы никогда не обсуждать деньги,

чувства или здоровье и держаться особняком от толпы. Так что хранить свои проблемы и тайны в секрете было для нее естественно. Может, она и избежала несчастливого брака, но теперь частью ее жизни стала другая форма молчаливого страдания.

Она приехала в Таллинн в конце июня и начала работать с той же зарплатой в 2000 долларов, ни разу за семь лет службы не получив повышения. Единственным утешением была охота в бескрайних девственных лесах Эстонии, и Вирджиния не теряя времени получала лицензии на отстрел глухарей, тетеревов и фазанов. Она решила, что не позволит тому несчастному случаю лишить ее удовольствия стрелять из ружья, даже в такой сложной болотистой местности. Однако на низкоквалифицированной работе ей было скучно. Она отвечала на телефонные звонки и заполняла документы, в то время как Европа стремительно неслась к войне. Вирджиния с ужасом наблюдала, как британский премьер-министр Невилл Чемберлен встречался с Гитлером в Мюнхене в сентябре 1938 года и говорил о «мире для нашего времени». В Эстонии Вирджиния столкнулась с тем же, что охватывало и остальную часть Европы: здесь тоже царила националистическая лихорадка. Политические партии запрещались, пресса подвергалась цензуре, а все похожие на иностранные имена изменялись на эстонский лад. Со страхом глядя в будущее и потеряв все надежды на продвижение по службе, заклеенная как бесполезная женщина-инвалид, Вирджиния ушла из Государственного департамента в марте 1939 года. Несмотря на надежды, которые она лелеяла в начале, ее карьера оказалась немногим лучше старомодного брака, который она когда-то отвергла.

После семи лет жизни в тени фашизма Вирджиния решила, что может помочь, открыв глаза общественности родной страны на то, что она называла «ложным мышлением», «коррупцией» и «ужасным заблуждением», продавая статьи в американские газеты. Конечно, она изучала журналистику в Венской академии, но писательство никогда не было ее сильной стороной. Неизвестно, была ли Вирджиния успешной журналисткой и был ли ее голос услышан. Опубликованных статей того времени обнаружить не удалось, хотя ее паспорт свидетельствует о том, что она оставалась в Таллинне еще несколько месяцев. Как бы то ни было, журналистика не стала для нее делом жизни. Вирджиния хотела действовать, а не просто писать о том, как действуют другие. Как она могла преодолеть все ограничения и сделать что-то действительно стоящее? Как она могла победить депрессию, которая все еще преследовала ее, и доказать, что не просто так выжила вопреки всем прогнозам?

1 сентября 1939 года Германия внезапно напала на Польшу, а два дня спустя Великобритания и Франция ответили объявлением войны. Было хорошо известно, что сосед Эстонии, СССР, вынашивал подобные экспансионистские планы, и в конце октября Вирджиния решила уйти, пока не стало слишком поздно, в последнюю минуту сев на корабль в Лондон. Так или иначе, у нее уже родилась новая идея. Она бросит свою пишущую машинку и пойдет добровольцем в Женский вспомогательный территориальный корпус, или женское отделение британской армии. Однако, когда она появилась в военкомате, сержанты, взглянув на ее паспорт, заявили, что иностранцам здесь не рады. Это был очередной отказ.

Большинство в ее положении вполне могли бы решить в этот момент сдаться и вернуться в безопасные Соединенные Штаты, но для Вирджинии такой шаг был бы равносителен признанию неудачи – и потому невыносимым. Она отплыла обратно в Париж и с упрямой настойчивостью наконец отыскала единственную роль, которую она могла бы взять на себя, чтобы помочь в борьбе с фашизмом. Боясь ссоры, она намеренно скрывала это от своей матери, и в феврале 1940 года записалась во французский 9-й артиллерийский полк водителем машины скорой помощи Медицинской службы Вооруженных сил Франции. Вирджиния не имела никакой медицинской подготовки, но у нее были действующие водительские права, а Медицинская служба была одним из немногих военных корпусов, открытых для женщин-добровольцев и иностранцев. К радости Вирджинии, ее приняли (возможно, не подозревая о ее инвалидности)

и обеспечили возможность пройти интенсивный курс по оказанию первой помощи. Наконец-то у нее появился шанс внести свою лепту в общую борьбу.

6 мая, после прохождения вводного курса, Вирджинию отправили в город Мец на северо-восточной границе Франции, недалеко от линии Мажино – «неприступных» бетонных укреплений, по задумке призванных сдерживать возможное наступление немцев. В последние дни так называемой «Странной войны»¹⁸ делать было особенно нечего. Солдаты бездельничали, и их орудия простаивали. Вирджиния воспользовалась случаем, чтобы как можно мягче рассказать Барбаре о своей новой роли, делая упор на то, что, хотя она и выглядит «усталой и неряшливой», о ней «хорошо позаботились» и она живет в коттедже «с большим количеством хорошей еды»¹⁹. Ее мать едва ли на это купилась. Она рассказала репортеру из *Baltimore Sun*, написавшему статью под заголовком «ЖЕНЩИНА ИЗ МЭРИЛЕНДА ВОДИТ МАШИНЫ СКОРОЙ ПОМОЩИ ДЛЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ»²⁰, что слова Вирджинии были «вызваны благими намерениями, но они мало утешают меня, поскольку в характерной для нее манере она пытается сделать так, чтобы я меньше волновалась». Почему ее дочь, спрашивала себя Барбара, бежала от комфортной домашней жизни ради лишений, оружия и ужасов?

Какое-то время от Вирджинии больше не было вестей. 10 мая немцы начали смертоносное наступление, просто обойдя всю линию Мажино и ворвавшись во Францию через незащищенные лесистые высокогорья бельгийских Арденн. Танковые дивизии перебравшись через границу, застав врасплох самодовольных пожилых французских генералов и разбив их плохо подготовленные войска – некоторые эпизоды этого разгрома Вирджиния наблюдала из машины скорой помощи. Французы закоснели в своем оборонительном менталитете, сидя за стенами и обмениваясь сообщениями с помощью голубиной почты. У них было мало шансов против разрушительного великолепия нацистских войск с их пугающей скоростью, огнеметами и стремительными волнами воздушных бомбардировок. Халатное бездействие – а в некоторых случаях и продажность – старой французской элиты привело к тому, что мировая держава была вынуждена подчиниться всего через шесть недель. Политики и военные, как выразился один французский патриот того времени, одурачили свой народ «галлюцинацией силы и неуязвимости», которая, испытанная немцами, быстро обернулась «преступным заблуждением»²¹. Официальные плакаты неоднократно хвастались: «Мы выиграем войну, потому что мы сильнее!»». Никто во французском правительстве или высшем руководстве не допускал возможности краха, пока он не наступил.

В течение чуть более двух недель остатки французской и бельгийской армий и значительная часть британских войск были отрезаны немецким наступлением и ждали эвакуации с пляжей Дюнкерка. Казалось, ничто не могло помешать победоносному продвижению Гитлера по Европе. Вирджиния с тревогой наблюдала, как большинство ее товарищей по бригаде поддавались панике и бросали умирающих прямо там, где они лежали. Но затем и мэры, советники и офицеры также оставили свои обязанности и бежали. Само французское правительство покинуло столицу 10 июня и направилось на юг, в Бордо, где вскоре развалилось.

Когда четыре дня спустя немцы, не встретив сопротивления, на рассвете ворвались в Париж через Венсенские ворота, Вирджиния уже была на пути в Валансе, расположенный в самом сердце Франции, в долине Луары. Здесь она узнала, что один решительный французский полковник все еще собирает раненых и везет их за двести миль в столичные госпитали. Когда армия вокруг него рухнула, ему срочно понадобилась помощь, и Вирджиния отклик-

¹⁸ «Странная война», или «Сидячая война» – период Второй мировой войны с 3 сентября 1939 по 10 мая 1940 года на Западном фронте. Характеризуется почти полным отсутствием боевых действий между Великобританией, Францией и Германией на суше и в воздухе.

¹⁹ Из интервью с Барбарой Холл в *Baltimore Sun*. 12.06.1940.

²⁰ *Baltimore Sun*. 12.06.1940.

²¹ де Вомекур Ф. *Who Lived to See the Day*, с. 22.

нулась на призыв. Еще несколько недель она переправляла солдат в Париж, где ей пришлось получать пропуска и топливные талоны у нацистских властей, недавно расположившихся под гигантскими свастиками в отеле Meurice. Она заметила, что как номинально нейтральной американке ей было позволено больше, чем французам, с которыми она работала. В ее голове начала зарождаться мысль.

Новый крайне правый французский лидер маршал Филипп Петэн уже захватил власть и 22 июня подписал перемирие с Гитлером в железнодорожном вагоне в Компьене, что означало капитуляцию страны перед нацистами. Через несколько недель Вирджиния была официально демобилизована, но, по крайней мере, посреди всего хаоса ей было куда пойти. Она решила разыскать старого друга со студенческих времен, который жил на авеню де Бретей в Париже. Вирджиния пережила ужас вражеского обстрела на дороге, но строгий комендантский час, репрессивные убийства и первые начавшиеся аресты – или *rafles* – в Париже ее сильно беспокоили. Она осуждала пособничество французских властей в борьбе, на кону которой стоял мир. Именно французская полиция охраняла нацистов, устроившихся в лучших парижских отелях, и именно французы разрешали строить лагеря на своей земле для тысяч взятых в плен немцами²².

Вирджиния уже знала, что больше всего на свете она хочет помочь своей любимой Франции отвергнуть уступчивость ее правителей и бороться за восстановление былых свобод. Только это могло дать ей желанную цель и избавить от темных мыслей. Она была убеждена, что вскоре французы восстанут, а пока она вернется в Лондон и будет ждать. Британия теперь одна противостояла Гитлеру, но как долго она могла продержаться без помощи? К ужасу Вирджинии, Америка отказалась вступать в войну, чтобы помочь давним союзникам, – Конгресс не потерпел бы гибели американцев ради малозначимых интересов на далеком континенте, особенно вскоре после последней европейской войны. Даже студенты университетов в подавляющем большинстве были против союза с Великобританией в повторении франко-германского конфликта. Но Вирджиния уже видела реалии фашизма своими глазами, и изоляционизм родной страны не помешал ей самой вступить в борьбу. Даже если двери дипломатии были для нее закрыты, должен был существовать другой способ сыграть роль в том, что Вирджиния считала битвой правды против тирании. Она просто обязана была его найти.

²² Взято из показаний, которые она дала посольству США в Лондоне: о своем опыте и наблюдениях по прибытии в сентябре 1940 года. (Файоль П. Le Chambon-sur-Lignon. – L'Harmattan, 1990, с. 93; NARA. RG226.

Глава вторая

Час настал

Жарким днем в конце августа 1940 года британский агент под прикрытием по имени Джордж Беллоуз работал в пыльном испанском приграничном городке Ируне, наблюдая за мельтешащим потоком пассажиров на станции. Испания находилась под властью другого фашистского диктатора, генералиссимуса Франко, и была полна сочувствующих нацистам и их осведомителей, но официально придерживалась нейтралитета в войне. Каждый день границу с Францией пересекали сотни или даже тысячи беженцев, некоторые из них могли иметь жизненно важную информацию о том, что происходило под пятой Третьего рейха. После вторжения Гитлера и эвакуации из Дюнкерка британская разведка потеряла практически все контакты с ближайшим континентальным соседом. Ее некогда разветвленная сеть агентов во Франции была разрушена: часть из них бежала, другая была убита либо признана ненадежной. Лондон теперь зависел от непредсказуемой воздушной разведки и отрывочных отчетов нейтральных дипломатов и репортеров, пытающихся получить информацию о действиях Гитлера и его союзников, – в те времена нацистское вторжение из-за Ла-Манша казалось неизбежным. Великобритания боролась за выживание, но делала это почти вслепую.

Взгляд Беллоуза привлекла эффектная американка, спрашивающая что-то в кассе под злобещими взорами огромных плакатов с портретами Гитлера, Муссолини и Франко. Заинтригованный, он подошел ближе и завел разговор с молодой женщиной, которая только что приехала из Франции и хотела сесть на поезд в Португалию, чтобы оттуда отправиться на корабле в Великобританию. Беллоуз представился коммивояжером, искушенным в области путешествий во время войны, и предложил помочь ей организовать безопасный проезд. Они разговорились, и Вирджиния рассказавшему доверие собеседнику свою необыкновенную историю (хотя, как всегда, она была избирательна в том, что сообщала). Беллоуз услышал рассказ о том, как она водила машину скорой помощи под обстрелами и как в одиночку путешествовала по Франции, расшатанной унижительной капитуляцией перед нацистской Германией: теперь страна была разделена на две части тщательно патрулируемой демаркационной линией, которая в целом следовала течению реки Луары. Вирджиния подробно рассказала, как быстро ухудшались условия на юге (в так называемой свободной, или неоккупированной, зоне²³), номинально управляемой из Виши самопровозглашенным главой государства маршалом Петэном. Оккупированная зона (север и запад Франции) уже находилась под непосредственным контролем немцев, дислоцированных в Париже. Вирджиния гневно описывала комендантский час и нехватку продовольствия, массовые аресты и инцидент на заводе «Рено», когда рабочих, протестующих против условий труда, выстроили вдоль стены и расстреляли.

Слушая ее резкий и страстный рассказ, Беллоуз был поражен мужественными действиями Вирджинии под обстрелами, ее наблюдательностью и, прежде всего, ее безоговорочным желанием помочь французам дать отпор немцам. Доверившись интуиции, он принял самое важное решение в своей жизни, которому было суждено изменить ход войны во Франции. Прощаясь с Вирджинией, он дал ей номер телефона «друга» в Лондоне, который мог бы подыскать ей достойную новую роль, и настойчиво попросил позвонить ему по прибытии. И пусть Государственный департамент не оценил Вирджинию, Беллоуз знал, что только что столкнулся с исключительной силой.

²³ Свободная зона – южная часть Франции и колонии, которые не подвергались оккупации и контролировались правительством Петэна.

Беллоуз не раскрыл никаких деталей, и, судя по ее заявлению на получение визы, Вирджиния предполагала, что в Англии она, скорее всего, снова будет водить машину скорой помощи. На самом деле номер, переданный Беллоузом, принадлежал Николасу Бодингтону, старшему офицеру независимой секции Франции, или Секции F, части новой и неоднозначной британской секретной службы. Управление специальных операций, или УСО, было создано 19 июля 1940 года, в день, когда Гитлер произнес триумфальную речь в Рейхстаге в Берлине, в которой кичился своими победами. В ответ Уинстон Черчилль лично приказал УСО «поджечь Европу» путем беспрецедентного саботажа, подрывной деятельности и шпионажа. Он хотел, чтобы агенты УСО – на самом деле больше члены спецподразделения, чем шпионы, – нашли способ зажечь пламя сопротивления, показать французам и другим оккупированным нациям, что они не одиноки, и подготовить их к восстанию против нацистских оккупантов. С помощью новой формы нерегулярной войны – еще точно не определенной и не проверенной – им нужно было подготовиться к тому далекому дню, когда Великобритания снова сможет высадить войска на континенте. И если эта новая военизированная версия «пятой колонны» и нарушала старые правила ведения международных конфликтов (включая кодексы поведения, звания и униформу), то лишь потому, что нацисты не оставили им выбора.

Черчилль считал, что для службы в УСО подходит человек, способный добиваться благородных целей разбойничьими методами. Неудивительно, что теперь, когда УСО исполнился месяц, возникли трудности с поиском людей, обладавших хитростью и смелостью, при этом готовых отправиться во Францию и остаться без поддержки, если что-то пойдет не так. Никому и в голову не приходило рассматривать женщин в качестве кандидатов для такой почти самоубийственной работы. Тем не менее Беллоуз считал, что американка, которую он встретил на станции в Ируне, могла оказаться именно тем, кто нужен УСО.

Однако вскоре Вирджиния забыла о том номере телефона – хоть это и было для нее не характерно, она передумала. По прибытии в Лондон 1 сентября она решила, что не хочет заставлять мать беспокоиться еще больше; возможно, Вирджиния также сомневалась в том, что действительно сможет принести какую-то пользу. В американском посольстве в Лондоне она представилась бывшей сотрудницей Государственного департамента и попросила временную работу, пока ее не репатриировали. Вирджинии там были не слишком рады, ведь она раньше она уже увольнялась со службы. Правда, ее знание современной Франции оказалось бесценным, и она любезно написала подробный отчет о таких вопросах, как комендантский час, нехватка продовольствия и том, как, по ее мнению, «французы продолжали вести себя достойно, за исключением проституток» – они бессовестно яшались с немцами²⁴. Государственный департамент, однако, больше внимания уделил ее лингвистическим способностям и навыкам набора текста. Военному атташе был нужен секретарь. Так что через две недели она уже снова была за пишущей машинкой.

Шли недели. Вирджиния почти не спала: Лондон находился под сокрушительными атаками «Большого Блица»²⁵. Миссис Холл призывала дочь поторопиться с возвращением, и незадолго до Рождества Вирджиния, наконец, купила билет домой. Она думала, что он был положен ей как бывшему сотруднику Государственного департамента. Но оказалось, что Вирджиния опоздала. С момента ее отставки прошло больше года, и теперь она не имела права на официальный билет; а в военное время других было практически не найти. Неожиданно застряв в Лондоне без поддержки, она нашла в закромах номер, который ей дали в Ируне. На звонок ответил Николас Бодингтон, бывший парижский корреспондент *London Evening Standard*. Он пригласил ее в начале нового года на ужин со своей женой-американкой Элизабет в их шикар-

²⁴ Файоль П., с. 94.

²⁵ «Большой Блиц» – бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии с 7 сентября 1940 по 10 мая 1941 года.

ном отделанном белоснежной штукатуркой доме на Чарльз-стрит, 20 в Мэйфере, недалеко от того места, где остановилась сама Вирджиния.

Хотя большие круглые очки делали его похожим на ученого, известный своим полным отсутствием такта Бодингтон мог быть уклончивым и довольно противоречивым персонажем. Тем не менее, в тот суровый зимний вечер за плотными шторами он развлекал Вирджинию и подготавливал почву для дальнейших действий, подавая настолько изысканные блюда, насколько позволяли условия военного времени. Она понятия не имела о настоящей военной работе хозяина дома – как и о его раздражении из-за того, что Секция F не смогла внедрить ни одного агента после шести месяцев попыток, – но вскоре Вирджиния увлекла его разговорами о собственных планах. Теперь, когда не было возможности вернуться домой в Америку, она хотела обратно во Францию. Она рассказывала о своей поездке так беззаботно, как если бы они обсуждали отпуск. И, словно равнодушная к опасности и препятствиям, Вирджиния вспоминала, как у нее все получалось, вплоть до того момента, как она воспользовалась старыми связями в Государственном департаменте, чтобы ускорить подачу заявления на получение визы. Она описала свой маршрут через Барселону на севере Испании, когда она пересекала границу на поезде до Французской Ривьеры: якобы для помощи квакерам в работе с беженцами, но также чтобы, пользуясь случаем, написать репортаж для газет на родине. В конце концов, говорила Вирджиния восхищенному хозяину дома под конец ужина, как формально нейтральная американка она могла совершенно свободно поехать во Францию и открыто путешествовать по ней.

На следующий день, 15 января 1941 года, Бодингтон ранним утром поспешил к сверхсекретному офису УСО на Бейкер-стрит, 64 (улица, по совпадению ставшая известной как дом вымышленного детектива Шерлока Холмса²⁶). Необычайно воодушевленный, он поднялся на трясущемся лифте на пятый этаж и продиктовал начальнику своей секции, известной среди других как Секция F, срочную записку. «Мне кажется, что даму, которую он рекомендовал, уроженку Балтимора, – сообщал он в Секцию F, – мы вполне могли бы использовать для нашей миссии. Мы могли бы обеспечить ее переезды туда и обратно и покрыть расходы на поездки в обмен на услуги, которые она могла бы нам оказать». Чем больше Бодингтон думал о Вирджинии, тем более исключительной казалась возможность, которую она предоставляла УСО. В то время управление находилось под сильным давлением: требовалось доказать целесообразность его существования, предпринимая конкретные действия. Поскольку Вирджиния была американкой, не было необходимости тайно переправлять ее по морю или высаживать с парашютом – такие операции до сих пор не удавались УСО. Ее акцент также не сочли проблемой, поскольку она могла действовать, представляясь американским журналистом; такое прикрытие объясняло и ее потребность путешествовать по стране и задавать вопросы.

Бодингтон был настолько уверен в потенциале идеи, что уже поручил капитану Стронгу из МИ-5 провести проверку на благонадежность – строгий процесс, известный тогда как «изучение личного дела» или ИЛД. ИЛД представляло собой поиск следов немецких связей в обширных хранилищах бумажных документов с перекрестными ссылками, которые заводились на потенциально подозрительных лиц любого рода. Это был затяжной процесс, и в Секции F быстро согласились, что найти Вирджинию было такой удачей, что больше ждать они не могут. Вирджинии предложили работу задолго до того, как 17 февраля в отношении нее наконец вынесли положительный вердикт. И на этот раз ей предлагали далеко не работу за печатной машинкой.

К счастью, для Вирджинии деньги не были основной мотивацией, поскольку предлагаемые 500 фунтов стерлингов в год были едва ли больше, чем ей платили во времена, когда

²⁶ В рассказах Холмс руководил разношерстной группой уличных мальчишек для сбора разведанных, известной как «Нерегулярные войска Бейкер-стрит» – название, с радостью перенятое сотрудниками УСО.

она сидела за столом в Государственном департаменте. Но как могла Вирджиния, любительница приключений, сопротивляться отъезду во Францию в качестве секретного офицера связи (класса А), когда на другой чаше весов была бесперспективная работа и, как она считала, бесперспективная жизнь? Она будет первой женщиной-агентом и в принципе первым офицером связи в Секции F. Ее назначение на должность, которая предполагала координацию работы местных лидеров Сопротивления и будущих агентов УСО, было выдающимся актом веры в ее способности, которые так долго принижались или игнорировались. Вирджиния снова уволилась из Государственного департаamenta и 1 апреля 1941 года начала работу по подготовке к своей секретной миссии. Однако тогда никто еще до конца не понимал, что она будет из себя представлять.

А вот что стало ясно, так это то, что новый, особенно «неджентльменский» способ ведения войны УСО будет опираться в значительной степени на террор, который использовали против британцев ирландские республиканские военизированные формирования. Во время англо-ирландской войны 1919–1921 годов британцы стали свидетелями того, как регулярные войска могут быть побеждены враждебным населением, чью волю укрепили несколько решительных боевиков. Теперь ожидалось, что агенты УСО, включая Вирджинию, будут действовать так же, как эти ирландские террористические лидеры. Они будут вдохновлять, контролировать, помогать французам восстать против угнетателей, когда придет время, и безжалостно уничтожить тех, кто встанет у них на пути. Однако предстояло проделать много подготовительной работы, прежде чем у УСО появилась надежда разжечь то, что, по сути, было еще одной французской революцией.

Об открытой рекламе вакансий для такой подрывной деятельности, очевидно, не могло быть и речи – правительство никогда не упоминало УСО публично, а если бы их спросили, отрицало бы само его существование. Традиционно британские спецслужбы набирались из неглубокой прослойки юношей-аристократов, воспитанных на колониальных приключенческих романах. Но подобная приоритизация генеалогии перед интеллектом мало что могла противопоставить безжалостному варварству Третьего рейха. Оперативники МИ-6 привыкли выжидать и терпеливо собирать разведданные, избегая при этом прямых действий. Агенты УСО не могли себе этого позволить. Да, они будут наблюдать, но также будут вербовать и обучать партизанские отряды для агитации, распространения пропаганды и, в конечном счете, убийства и уничтожения. Как выразился один писатель, пишущий о разведке: если офицеры МИ-6 замечали, что вражеские войска переходят мост, они наблюдали за ними издали и оценивали их количество, тогда как УСО просто взрывали мост. Шпионы старой школы были возмущены этим подходом, описывали его как «много стратегии, мало тактики» и, заклеив его как «дилетантский, опасный и липовый», противились самой идее УСО.

Хью Далтон, задиристый лейбористский министр, которого Черчилль решил поставить во главе УСО, говорил, что поиски новобранцев нового типа, способных одновременно к нарушению правил и к «абсолютной секретности» с «фанатичным энтузиазмом», представляли большие трудности – впрочем, в этом не было ничего удивительного²⁷. Закоренелых вояк, озабоченных больше письменными приказами, чинами и тем, что они называли «этикой», следовало не подпускать к этой работе, что и делали большинство министров Его Величества. Так, например, один из коллег по кабинету исключил глубоко верующего министра иностранных дел – католика лорда Галифакса – из совещаний УСО, потому что в нем не хватало того, что позволило бы «сделать из него гангстера»²⁸.

²⁷ Фут М. Р. Д., с. 9. См. Далтон Х. *The Fateful Years*, с. 368.

²⁸ Гастингс М. *Secret Warfare: Spies, Codes and Guerillas 1939–1945*. – William Collins, 2015, с. 261. См. Джонатана К. *The War Diaries of Hugh Dalton*, с. 52. 01.06.1940.

Однако положение Британии, готовившейся к вторжению всепобеждающего Гитлера, было таково, что сам Черчилль возлагал на УСО огромные надежды. Другие также видели в этом творческую, хотя и отчаянную альтернативу «изнурительным фронтовым столкновениям» Первой мировой войны. Возможно, хитрость и отвага могли бы помочь сломить власть нацистов, пока Великобритания усердно наращивала военную мощь, необходимую для возможного возвращения на континент. И хотя никто не мог предсказать, когда это случится, каждая следующая предполагаемая попытка высадки происходила именно во Франции (крупнейшей стране в Западной Европе), что делало ее ключевым театром военных действий в Европе. Однако до сих пор не было ни подробного плана, ни проверенной методики разжигания огня подобного сопротивления. Вирджиния присоединилась к команде-«аутсайдеру», первое время терпевшей сплошные неудачи. Морское судно, перевозившее трех агентов к северному побережью Франции, было вынуждено повернуть назад, столкнувшись с немецким конвоем. Еще один агент сел в самолет, чтобы десантироваться с парашютом, но в последнюю минуту испугался и отказался прыгать. Большинство новобранцев и до этого не доходили, в ужасе отказываясь от выполнения миссии, как только узнавали, чего от них хотят. Других забраковывали, признавая их психически нестабильными или неподходящими для такой работы. Даже в Лондоне Секция F насчитывала лишь восемь человек. Во всем УСО было десять телефонных линий.

Это была огромная авантюра во многих отношениях. Даже если Вирджиния благополучно доберется до Франции, сможет ли клерк из Балтимора выполнить поставленные задачи? Стоило ли вообще надеяться на «Свободную Францию», или Сопротивление было просто сказкой? Ранее Дальтон пообещал, что к концу 1940 года «земли в рабской неволе», захваченные Германией, «поднимут восстание, в результате которого нацистская оккупация растает, как снег весной»²⁹. Конечно, этого не произошло. Например, один видный французский патриот после трех месяцев отчаянных попыток набрал не более пяти добровольцев для формирования лишь зачатка группы Сопротивления. Так была ли во Франции вообще какая-либо поддержка действий Британии? Смогут ли французы составить эффективные военизированные формирования, чтобы помочь британцам вести войну против фашизма, или они станут враждебно настроенными слугами Третьего рейха? Мог ли агент британцев продержаться во Франции достаточно долго, чтобы успеть передать важную информацию? У УСО просто не было ответов на эти вопросы.

²⁹ Олсон Л. *Last Hope Island*. – Random House, 2017, с. 166.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.